

Захоронения коней в погребальных обычаях населения салтовской культуры

Одиночные конские захоронения достаточно часто встречаются как на аланских, так и на болгарских могильниках бассейна Северского Донца. Большинство исследователей салтовских древностей связывает их с кенотафами, то есть с символическими захоронениями, которые совершены по умершим вдали от дома людям. Такая трактовка захоронений коней, по нашему мнению, не соответствует действительности.

Как показывают этнографические данные по народам, которые еще в середине 50-х годов XX столетия продолжали сооружать кенотафы, такие символические захоронения людей характеризуются набором обязательных черт. Во-первых, могильное сооружение для символического захоронения ничем не отличалось от обычных могил. Во-вторых, покойника в таком захоронении замещало его изображение (чаще всего кукла) или же наличие покойника символизировала помещенная в неё одежда умершего (рубашка, ремень и т.п.) [1, с.265]. В-третьих, в такую могилу помещали и индивидуальные вещи покойника, которые, по мнению родственников, могли понадобиться умершему на том свете.

Исходя из всего выше сказанного, захоронения коней на салтовских могильниках, если они действительно были кенотафами, должны соответствовать следующим условиям: их могильные ямы по форме, размерам, ориентировке должны соответствовать обычным могильным сооружениям, характерным для погребального обряда конкретного населения; они должны содержать личные вещи умершего, соответствующие полу, возрасту и социальному положению покойника в обществе. Личные вещи умершего символизировали в такой могиле его самого, так как традиция изготовления кукол – заместителей покойников у салтовского населения неизвестна. Обнаруженные же салтовские конские захоронения зачастую не соответствуют данным требованиям.

Так, захоронения коней, обнаруженные на связываемых с аланами Верхне-Салтовском, Старо-Салтовском, Дмитриевском, Рубежанском катакомбных могильниках [2; 3; 4; 5; 6, рис.113; 7], были произведены в узких (0,5-0,6 м) подпрямоугольных ямах длиной 2,25-2,6 м, стенки которых сужались ко дну, что придавало могильной яме, в поперечном разрезе, клиновидную форму. В целом, сами ямы отдаленно напоминали дромосы катакомбных захоронений. Кони были буквально втиснуты в могильные ямы, но сужающиеся ко дну стенки ямы придавали коням позу мирно стоящего животного, зачастую, с опущенной вниз головой. Размеры могильных ям указывают, что место для размещения

символического двойника умершего в данном случае не предусматривалось. Таким образом, нарушался один из существенных принципов символического захоронения – принцип подобия с погребальными сооружениями, содержащими тела умерших людей. В тех катакомбных захоронениях Дмитриевского могильника, которые содержали конские костяки, они покоились вблизи тела своего хозяина – в дромосе [6, рис. 103, 107, 109-112], а однозначно трактуемые как кенотафы комплексы (кат. № 63, 77) имели все атрибуты катакомбных захоронений – дромос, погребальную камеру, но только уменьшенных размеров, заклад [6, с. 248, рис. 113].

В известных захоронениях коней с аланских могильников бассейна Северского Донца погребальный инвентарь, если он присутствовал, был представлен исключительно предметами конского снаряжения – удилами, стременами, украшениями ремней сбруи. Так, три из четырех захоронений коней, исследованных В.Г. Бородулиным на основном Верхне-Салтовском могильнике, содержали крупные позолоченные бронзовые фалары и конские начельники, а в двух из них были встречены литые серебряные бляшки с растительным орнаментом, украшавшие ремни конской сбруи. Наличие начельников, позолоченных фаларов однозначно свидетельствует о достаточно высоком социальном статусе хозяев данных коней [8, с. 40]. При этом ни в одном из этих захоронений не были найдены вещи, которые можно было бы отнести к личным вещам хозяина коня.

Захоронения коней на болгарских памятниках чаще всего производились в могильных ямах прямоугольной или округлой в плане формы, размеры которых лишь незначительно превышали размеры самих животных. Размеры могильных ям обусловили положение конских туш в них. Зачастую кони покоились на брюхе, слегка заваленными на правый или левый бок, с подогнутыми под себя конечностями. Среди данных захоронений встречаются как полностью безинвентарные погребения, так и погребения, содержащие малочисленный и достаточно однородный погребальный инвентарь. В основном это предметы конского снаряжения. Так, в захоронении коня № 16 могильника Красная Горка погребальный инвентарь состоял только из одного сбруйного кольца, тогда как в конском погребении № 33 того же могильника он был представлен остатками деревянного седла, парой стремян, удилами, бронзовым чумбурным блоком, бронзовым наконечником ремня, железным складным серпом [9; 10].

Среди захоронений коней на болгарских грунтовых могильниках встречаются и такие, которые содержат преднамеренно расчлененные (перед помещением в могилу) туши коней. В частности, в погребении № 221 "А" Нетайловского могильника был обнаружен полный скелет животного, разрубленного на части (отделены череп и задние конечности) и размещенного в яме в соответствии с его естественной анатомией [11, с. 357]. На могильнике Красная Горка расчлененный конский костяк был обнаружен в захоронении коня

№ 26 [12]. Преднамеренная расчлененность животного указывает на его явно жертвенный характер. Вероятно, с этим же связана круглая форма могильной ямы в погребения № 221“А” Нетайловского могильника. Интересно, что довольно часто в ямах округлой в плане формы на салтовских поселениях находят костяки коней и собак [13, с.159, рис.45, 10, 11], которые связываются исследователями с так называемой “строительной” жертвой. Все это позволяет нам склониться к предположению о жертвенном характере безинвентарных конских захоронений на болгарских грунтовых могильниках. Но подобные жертвенные комплексы в пределах могильников, вероятно, связаны с определенным погребальным обрядом. Они вполне могли представлять так называемую “выкупную” жертву от членов отдельного рода или семьи духу подземного мира (царства мертвых – Эрлику) за предоставленный для погребения участок. Подобная жертва известна у многих тюркоязычных народов [14, с.57-58; 15, с.104]. Возможно, что в таком случае свидетельством жертвенной роли животного служит, кроме расчлененности костяка и безинвентарности погребений, невозможность связать конские захоронения с конкретными погребениями людей.

Вероятно, подобным образом следует интерпретировать и безинвентарные конские захоронения на аланских катакомбных могильниках Подонечья, так как их, в большинстве случаев, очень сложно связать с конкретным захоронением людей. К тому же, если судить по материалам Верхне-Салтовского, Старо-Салтовского, Рубежанского могильников, безинвентарные погребения коней тяготеют к окраинным участкам могильников, тем самым они как бы маркируют своим присутствием освоенную под захоронения (то есть выкупленную у подземных богов) территорию.

Захоронения коней, в которых погребальный инвентарь представлен только элементами конского снаряжения, а сами захоронения не представляется возможным связать с конкретными людскими погребениями, по нашему мнению, следует считать погребениями верховых коней, которые погибли или умерли своей естественной смертью и были погребены по желанию их владельцев. Подобные случаи в отношении коней знатных людей и воинов хорошо известны по древнерусским летописям и эпическим сказаниям тюрко-монгольских народов. При этом богатство и состав инвентаря конских захоронений может служить серьезным критерием для определения того места, какое занимал их хозяин в воинской и социальной структуре общества. Примером этого могут служить захоронения коней с позолоченными начальниками с Верхне-Салтовского могильника и бронзовым начальником (погребение № 216\к-19) могильника Красная Горка на фоне конских захоронений, инвентарь которых представлен удилами и стремянами или только каким-то одним элементом конского снаряжения. Конские захоронения этого вида отделены от погребения их хозяина и во времени, и в пространстве.

Примеры разделения в пространстве захоронений коня и его хозяина известны на многих болгарских могильниках салтовской культуры. Это погребения людей №№ 144, 145, 199, 216, 282 и захоронения коней №№ 11, 14, 31, 19, 23 могильника Красная Горка [9; 12; 16; 17], погребения людей №№ 141, 88, 119 и захоронения коней №№ 132, 96, 113 Крымского [18, рис. 1] и некоторых других могильников. Подобные захоронения встречены на раннесредневековом могильнике на р. Дюрсо [19, с.212-231]; на могильнике у с. Корнуе [20, с.289]; на некрополе цибильдинской культуры Абгызрыху [21, с.23]. Известны такие захоронения и в памятниках более позднего времени (XVIII в.) в Якутии [22, с.183-186].

И только совсем незначительная часть из общей массы конских захоронений составляют собственно кенотафы. Они содержат, в дополнении к конскому снаряжению, инвентарь, составляющий личные вещи умершего – погребения №№ 34, 124 Крымского могильника [18, с.99], погребение коня №9 могильника Красная Горка [9], погребение № 16 Нетайловского могильника [23, Табл.6]. Так, в погребении № 34 Крымского могильника при костяке коня в комплексе с конской сбруей находились предметы вооружения конного всадника (костяные накладки лука, колчаный крючок, сабля). Захоронение коня № 9 могильника Красная Горка содержало, наравне с предметами конского снаряжения, два салтовских гончарных кувшина.

Таким образом, одиночные захоронения коней на салтовских могильниках лишь в малой степени могут быть соотнесены с символическими захоронениями людей – кенотафами. Большинство из них связаны с конкретными погребениями воинов-хозяев коней или же выполняют роль жертвенных животных в обряде выкупа участка земли для погребения умерших одной группы родственников или отдельной семьи. Кроме того, захоронения коней в сопровождении богатого и своеобразного инвентаря свидетельствуют о глубоком имущественном и социальном расслоении салтовского населения, с выделением из его среды профессиональных воинов-дружинников, одним из основных живых орудий деятельности которых был верховой конь. Погребения последних и составляют основную часть одиночных конских захоронений.

1. Смоляк А.В. Этнографические данные об обрядах ложных погребений у народов Нижнего Амура // СА.– 1969.– № 3.
2. Семенов-Зусер С.А. Раскопки Верхне-Салтовского катакомбного могильника в 1948. (Харьков, 1948) // Архив АМ ХГУ.
3. Бородулин В.Г. Отчет об исследовании Верхне-Салтовского катакомбного могильника экспедицией Харьковского исторического музея в 1982 г. (Харьков, 1983) // Архив ХИМ.
4. Бородулин В.Г. Отчет об исследовании Верхне-Салтовского катакомбного могильника экспедицией Харьковского исторического музея в 1984 г. (Харьков., 1985) // Архив ХИМ.

5. Бородулин В.Г. Отчет об исследовании Верхне-Салтовского катакомбного могильника экспедицией Харьковского исторического музея в 1986 г. (Харьков, 1987) // Архив ХИМ.
6. Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. – М., 1989.
7. Аксенов В.С. Отчет о раскопках могильника салтовской культуры у пос. Рубежное Волчанского района Харьковской области в 1995 г. (Харьков., 1996) // Архив ХИМ.
8. Афанасьев Г.Е. Донские аланы. – М., 1993.
9. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1989 г. (Харьков, 1990) // Архив АМ ХГУ.
10. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1994 г. – Х., 1995 // Архив АМ ХГУ.
11. Жиронкина О.Ю., Цитковская Ю.И. Новые данные о погребальном обряде Нетайловского могильника // Культуры евразийских степей второй половины 1 тысячелетия н.э. – Самара, 1996.
12. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1992 г. // Архив АМ ХГУ.
13. Плетнева С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М., 1981.
14. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск, 1987.
15. Бакаева Э.П., Гучинова Э.-Б.М. Погребальный обряд у калмыков в 17 – 20 вв. // СЭ. – 1988. – № 4.
16. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1990 г. // Архив АМ ХГУ.
17. Михеев В.К. Отчет об археологических исследованиях Средневековой экспедиции Харьковского госуниверситета за 1991 г. // Архив АМ ХГУ.
18. Савченко Е.Н. Крымский могильник // АОН. – 1986. – Вып. 1.
19. Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. – 1979. – № 4.
20. Амброз А.К. [Рецензия] : Salamon A., Erdelyi I. Das volkerwanderungszeitliche Graberfeld von Kognuye // СА. – 1973. – № 4.
21. Трапш М.М. Культура цебельдинских некрополей // Труды. – Тбилиси, 1971. – Т.3.
22. Константинов Н.В. Захоронения с конем в Якутии // По следам древних культур Якутии. – Якутск, 1990.
23. Иченская О.В. Об одном из вариантов погребального обряда салтовцев по материалам Нетайловского могильника // Древности Среднего Поднепровья. – К., 1981.

Список сокращений

АМ ХГУ – Археологический музей Харьковского госуниверситета
АОН – Археологические открытия на новостройках
СА – Советская археология
СЭ – Советская этнография
ХИМ – Харьковский исторический музей

Бакуменко Е.А.

Основные черты историографии земств постсоветского периода. (1991-1998гг.)

С момента распада СССР в 1991 г. наступил качественно новый этап в изучении истории возникновения и деятельности земских учреждений Российской империи конца XIX - начала XX в.

Разрушение старых структурных связей и систем власти вызвало поиски новых путей управления. Часть историков предлагают воспользоваться опытом западных держав. Но многие считают необходимым обратиться к прошлому страны и вспомнить, как более 100 лет назад родилось в России земское самоуправление.

Надо отметить, что работы посвященные этому вопросу, появлялись на протяжении всех лет перестройки, т.е. еще до непосредственного распада Советского Союза. В качестве характерного примера хотелось бы привести статью Г.А. Герасименко, посвященную анализу причин краха земского самоуправления и его значения для исторических судеб России [2.].

Работой, которая стала отправной точкой для историков земства постсоветского периода по праву следует считать статью И. Солженицина “Как нам обустроить Россию”, опубликованную в 1991 г. Автор придает огромное значение системе земского самоуправления и его роли в будущей новой России.

Вслед за данной статьей появляется целый ряд работ, посвященных анализу структуры земского самоуправления, его взаимодействию с центральной администрацией. Особенно следует выделить работы И.Б.Лежневой [7] и Л.Е.Лаптевой [8]. Особое внимание этими авторами было уделено социальной структуре земств. Не всегда соглашаясь друг с другом в вопросе о преобладании в земстве дворянского элемента, оба автора, тем не менее, единодушны в том, что земские учреждения были обязаны плодотворностью своей работы тому факту, что в них “было найдено удачное сочетание близкой к русским традициям формы и давно накопившегося в обществе желания активно участвовать в государственной деятельности”. [8. С. 128]